

цоров воспринимаются как маски, воплощенные в неудержимый карнавал времени. Внезапно лишённые придуманных ролей, эти люди "осядут", подобно шарикам, из которых выкачали воздух. Пока этого не произошло, они истово, до полного самозабвения, кружатся в танце, бессознательно отдавая момент истины, содержащийся в суровой жизненной прозе. Настоящее веселье, быющая через край радость, полнота бытия остались где-то там, в

ВРАЧЕВАНИЕ

Созданные художником Зелием Смеховым за год с небольшим жизни в Иерусалиме, работы по уверенности настроения и ясности формы трудно соотносить с "девятым валом" нынешней алии. Впору было бы живописать бурное житейское море, где каждый — сам по себе, на своем плотике, а почти фрейдистские комплексы причудливо переплетаются с лубочным восприятием окружающей действительности. Декларативный отказ алии 90-х от былых духовных ценностей и отсутствие новых, "пригодных для употребления" на Земле Обетованной прежде всего в силу бытовой неустроенности, нарушили традиционные связи между искусством и зрителем, привели к утрате важных эстетических ориентиров, и это, скажем так, озадачило многих мастеров-репатриантов, имевших устоявшийся художественный имидж на своей "доисторической Родине". И действительно, как воплотить на полотне, в граюре или скульптуре смутную и тяжелую полосу познания иного мира, где — о парадокс! — самое труднопознаваемое — твои единопоменники?..

А быть может, сейчас куда существеннее познать самих себя: остановиться, осмотреться, прислушаться. Улучить момент и заглянуть в собственную душу, чтобы убедиться — теплится... Именно такой шанс предлагает каждому из нас Зелий Смехов. Вглядитесь внимательнее в картонки его серии "Танцы" — и с удивлением обнаружите, что в них нет присущего этому виду искусства здорового, целомудренного, гармоничного начала. На черном фоне лица тан-

туманном далеке старомодных вальсов и танго, а сегодня — поскорей надевая маску и включайся в этот экзотический каждодневный карнавал, где изматывающий душу танец под плотной маской отнюдь не милое вечернее развлечение, а способ существования, заключающий в себе и духовные метания, и насилие над личностью, и неуверенность в завтрашнем дне.

Есть ли альтернатива этому танцевальному марафону, где: "загнанных лошадей пристреливают, не так ли?" Есть, отвечает художник и ведет нас в Еврейский квартал Старого города. Картонки серии под этим названием при схожих с "Танцами" художественных средствах отличаются качественно иным внутренним наполнением — попыткой пробиться к тому национальному идеалу, сам факт существования которого (независимо от того, признает его конкретный индивидуум или отрицает) вселяет надежду на лучшее.

Причудливый лабиринт переплетающихся между собой улочек и переулков, где белоснежные, небольшой высоты дома плотно пригнаны друг к другу "под Средневековье", в первый момент кажется легко узнаваемым. И только спустя некоторое время начинаешь сознавать, что игра света и тени в обрамлении розоватого иерусалимского камня, мастерски воспроизведенная художником, не имеет ничего общего с предназначенными для туристов глянцевыми видовыми открытками. Художник явно ощутил дыхание времени и запечатлел его в присущих именно этому времени ак-

сессуарах городского пейзажа. Образы серии "дати" нетрадиционны уже тем, что они обращены к светскому зрителю. Быть может, особую роль тут играет своеобразный подтекст, уязвляющий сегодняшнюю реальность с событиями мая 1948 года, когда в ходе Войны за Независимость небольшой отряд верующих — защитников Еврейского квартала — мужественно противостоял арабским legionерам. Юный ешиботник, углубившийся в чтение молитвы и, казалось бы, не замечающий ничего вокруг, создает историю своего народа — обращенные к Г-споду слова материализуются под

ДУШИ

сенью арки синагоги Хурва. И таинственные профили многие испытавших знатоков Кабалы, чьи взгляды скреживаются в глубине каменного лабиринта Еврейского квартала, точно так же несут на себе печать преемственности духовного наследия предыдущих поколений. И величавое спокойствие пожилого "дати" свидетельствует не о безразличии его к жизненной

повседневности, а об умении достойно воспринимать удары судьбы, памятуя о высшем смысле человеческого существования.

Если в серии "Еврейский квартал" господствует атмосфера неспешных раздумий о прошлом и настоящем еврейского народа, то созданная вслед за ней серия "Весна в Иерусалиме" полна почти языческого любования неизбывным буйством садов и парков современной городской застройки. Сквозь щедрое разнообразие просматриваются силуэты мельницы Монтефиоре и комплекса ИМКА. Своеобразная природа центра города, в которую удачно "вливались" архитектурные реалии, в работах художника запечатлена так обстоятельно и красочно, что порождает эффект гобелена: нужное впечатление создается не сочетанием крупных мазков, а переплетением тонких нитей, и достигнуть подобного возможно лишь благодаря филигранной технике и безошибочному чувству цвета, которыми владеет Зелий Смехов.

"Весна в Иерусалиме" — это не только радость сегодняшнего дня, а и предчувствие грядущих перемен после "зимы тревоги нашей". Огромна дистанция между ее жизнеутверждающим пафосом и тяжким бременем былого, запечатленным в серии "Апокалипсис". Именно эта серия была представлена на первой вы-

ALEX
75R

RUSSIA—Sr.

ALEX—

4600

ALEX
75R